

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАПЕ СОЦИОПОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-33-43

УДК 316.34

Справедливость и солидарность в представлениях рабочей молодежи сервисных отраслей

Вера Владимировна Гаврилюк

доктор социологических наук, профессор,
Институт сервиса и отраслевого управления,
Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень, РФ)
ORCID: 0000-0002-0131-4939
gavriliuk@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к трактовке базовых для общества понятий о солидарности и справедливости. В отечественной научной традиции солидаристским практикам придавалось моральное и аксиологическое измерение. Цель статьи — показать особенности представлений молодежи нового рабочего класса, занятой в сервисной сфере экономики, о социальной справедливости и солидарности, взаимосвязи классового самосознания и корпоративных солидаристских практик. Статья содержит анализ оригинального эмпирического материала, полученного в ходе реализации методов качественного социологического исследования. Объектом исследования выступила рабочая молодежь, занятая в сервисном секторе экономики, как в сфере клиентского сервиса, так и в инфраструктурной сфере промышленного производства. Новизна статьи состоит в обобщении представлений современной рабочей молодежи, занятой в сервисном секторе экономики, о справедливости, видах и формах проявления солидарности. Также выявлено, что наиболее значимые и осознанные проблемы справедливости и солидарности для рабочей молодежи связаны со сферой трудовых отношений. Как установлено в процессе исследования, молодежь сервисной сферы сегодня объективно подвержена наибольшей прекаризации трудовых отношений, но реальные ее угрозы не актуализированы в массовом сознании и не изучены в отечественной социологии. Максимально острыми проблемами справедливости остаются вопросы первого трудоустройства молодежи; противоречия между профессиональной подготовкой и рынками труда; межпоколенческий кризис в трудовых отношениях. Солидарность респондентами рассматривается как взаимоотношения в собственном трудовом коллективе и чаще всего носит пассивный характер, практически полностью отсутствует понимание классовой солидарности. Рабочая молодежь проявляет индифферентное отношение к политическим формам солидарности, безразличие к политической жизни.

Ключевые слова: классовая солидарность, справедливость, сервисная сфера экономики, молодежь.

Цитирование: Гаврилюк В. В. Справедливость и солидарность в представлениях рабочей молодежи сервисных отраслей / В. В. Гаврилюк // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 1 (19). С. 33-43.
DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-33-43

ВВЕДЕНИЕ

Понятие солидарности относится к числу базовых социологических категорий, более того, исследование общества достаточно долго в истории этой науки рассматривалось как анализ видов солидарности групп, отдельных сообществ, социальных акторов. Идеи солидарности и солидаризма обретают новые смыслы в период глобализации. В конце XX в. в европейской социологии именно солидарность рассматривается как третий путь Европы, направленный на преодоление крайностей индивидуализма и коллективизма [4, с. 103-104]. В XX в. в мировой социологии наиболее актуализированными оказались проблемы социальных конфликтов — политических, идеологических, этнических, что отвечало запросу социальной практики. Востребованность научной разработки проблем солидарности во второй половине XX — начале XXI в. ограничивалась уровнем отдельных групп. Интерес мировой социологии к проблеме солидарности связан с изменениями ее механизмов, выявлением соотношения между групповой, этнической, гражданской, виртуальной солидарностью. В современной российской социологии по сей день доминирует проблематика конфликта, хотя именно солидарность обеспечивает стабильность социальной системы и является непременным условием социального обновления.

Устойчивый интерес к проблематике конфликта сохраняется в российской социологии из-за роста общественных настроений, связанных с нарушением социальной справедливости. Социальная справедливость как элемент общественного сознания и социальной практики представляет собой сложный «ценностно-смысловой феномен, содержащий ценности, принципы и нормы, включает в себя как рациональные, так и эмоциональные компоненты. Дистрибутивные элементы социальной справедливости выражаются в виде вознаграждения в соответствии с вкладом социальных субъектов в общественную жизнь. Ощущение несправедливости чаще всего формируется в микросреде, где человек непосредственно соприкасается и может судить о неравенстве в оплате труда, разрыве в уровне

жизни, формах досуга, доступа к общественному благу» [5, с. 41].

Новизна статьи состоит в следующем: представлено обобщение представлений современной рабочей молодежи, занятой в сервисном секторе экономики, о справедливости, видах и формах проявления солидарности. Также выявлено, что наиболее значимые и осознанные проблемы справедливости и солидарности для рабочей молодежи связаны со сферой трудовых отношений. Молодежь сервисной сферы сегодня объективно подвержена наибольшей прекаризации трудовых отношений, но реальные ее угрозы не актуализированы в массовом сознании и не изучены в отечественной социологии.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данного проекта мы исходили из теоретического положения о формировании в современной России нового рабочего класса, принципиально отличающегося от рабочего класса советской эпохи. Обоснование этого постулата приведено в коллективной монографии нашей исследовательской группы под руководством Т. В. Гаврилюк [3]. К числу отличительных признаков нового рабочего класса относится и включение (в соответствии с мировой тенденцией) в состав рабочего класса работников сервисных отраслей. Эмпирическая часть проекта осуществлялась с помощью количественных и качественных методов социологического исследования: опрос (1 534 респондента по репрезентативной выборке в городах УрФО — Тюмени, Екатеринбург, Кургане в 31 биографическом интервью; опрос 100 экспертов в 2019-2020 гг.); 4 фокус-группы и 22 индивидуальных полуструктурированных интервью (в Самаре, 2021 г.). Критериями отбора информантов в исследовании 2021 г. были: пол, возраст, образование, сфера занятости и должность. Все информанты принадлежали к сервисному сектору экономики и были заняты в различных отраслях — от инфраструктуры промышленного производства до сферы бытового обслуживания, торговли. Индикаторами оценки справедливости и проявления социальной соли-

дарности рабочей молодежи были выбраны: взаимоотношения в коллективе (индивидуализм/взаимопомощь/конкуренция); аспекты организации труда; мнение информанта о высшем и среднем менеджменте компании; справедливость оплаты и условий труда работников и менеджеров; уровень жизни в текущей профессиональной позиции; возможности коллективного действия по защите трудовых прав в случае их нарушения работодателем, формы данного действия, легитимация бездействия; роль общественных, добровольческих организаций, профсоюзов; влияние органов власти, выраженность патриотических ориентаций; классовое измерение политики. Результаты анализа первого этапа эмпирического исследования, собранного в ходе опроса молодежи нового рабочего класса Уральского Федерального округа, отражены в нашей публикации (Гаврилюк В. В. Классовая солидарность рабочей молодежи сервисной сферы // Siberian Socium. Сибирский социум. 2021. Том 5. № 1 (15). С. 81-91. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-81-91). В настоящей статье представлены результаты нового качественного исследования (четырёх фокус-групп) в другом российском регионе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В истории социологии проблематика солидарности и солидаризма демонстрирует некоторые различия между западными и российским подходами. Со времен О. Конта в «западной интеллектуальной традиции при изучении солидарности и солидаристских практик сложилось четыре основных парадигмы: социологическая, философская, идеологическая и религиозная. Социологическая парадигма чаще всего рассматривала социальную солидарность как совокупность существующих солидаристских практик, которые, в свою очередь, и были основанием интеграционных связей в обществе, обеспечивающих его стабильность. Философская парадигма связывала солидарность с долженствованием как моральной конструкцией, следующей из научных знаний о социальных процессах. Идеологический подход рассматривал солидарность как служение государству, а религиозная парадигма

усматривала христианскую идею солидаризма как высшую форму самоорганизации и проявления божественного замысла» [4, с. 104]. В российской интеллектуальной традиции доминировали религиозная и идеологическая парадигмы. Религиозная концепция соборной солидарности как православного идеала рассматривалась как синтез между православными ценностями и русскими традициями. В рамках идеологической парадигмы сложились либеральные и социалистические трактовки солидарности. Либеральный подход в трактовке солидаристских практик усматривает в них формирование устойчивых горизонтальных связей, стабилизирующих общественное развитие. Солидаристские практики основаны на согласовании групповых и индивидуальных интересов. Как отмечают современные российские социологи, в социалистических трактовках солидаристских практик подчеркивалось, что они выступают средством достижения всеобщего равенства и благоденствия на основе согласования общественных и индивидуальных интересов. В российской интеллектуальной традиции солидаристским практикам придавалось моральное и аксиологическое измерение. По известным причинам в XX в. в отечественной социологии и социальной мысли вообще доминировали идеи солидарности только как концепции классовой солидарности, она рассматривалась как основа совместных действий пролетариата в борьбе с буржуазией и международной взаимопомощи трудящихся [4, с. 109-110]. Сегодня, когда в науке возможно преодоление крайностей либеральных и марксистских трактовок социальной солидарности, вопрос о содержании и формах ее проявления возникает как новая исследовательская задача. Постановка новых задач в классической проблематике солидарности связана в первую очередь с кризисом регулятивной функции солидарности в современном социуме. Актуальные зарубежные исследования фиксируют глубокий и повсеместный кризис традиционных юнионистских практик классовой солидаризации. Права работников, социальная справедливость, гражданские позиции и политические установки становятся предметом символи-

ческой борьбы и переопределяются в границах новых дискурсов, возникающих вследствие последних финансовых и экономических кризисов [12]. Так, профсоюзное движение уже давно не является формой борьбы рабочего класса за свои права — согласно новейшим данным масштабного Европейского социального исследования (European Social Survey), в составе современных профсоюзных движений рабочий класс уже не составляет большинства во всех странах. В ряде стран (Болгария, Германия, Франция, Нидерланды, Норвегия, Польша, Швеция) представители среднего и высшего класса доминируют в составе профсоюзных объединений [13, с. 10; 9].

Очевидно, что фундаментальное противоречие в реализации регулятивной функции солидарных практик связано с преобладанием групповых форм солидарности над более широкими ее формами. Партикулярная солидарность в современном российском социуме особенно характерна для сервисного сектора российской экономики, где нормы и ценности корпоративной культуры доминируют над классовой солидарностью.

Проблематика социальной справедливости/несправедливости как результат расширения и дифференциации форм социального неравенства осознается в современной российской социологическом сообществе как наиболее острая. Достаточно отметить, что предыдущий, V Всероссийский социологический конгресс, состоявшийся 19-21 октября 2016 г. в Екатеринбурге, назывался «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» [7]. На конгресс было представлено 1,5 тыс. текстов докладов и сообщений, что свидетельствует о множественности нерешенных методологических и прикладных проблем в заявленной тематике.

В традиции российской социальной философии и социологии принято рассматривать понятие о социальной справедливости как неотъемлемую черту российской ментальности, ощущение и признание справедливости высшей ценностью — как черту национального характера. Эта традиция сохраняется и сегодня. Так, В. Г. Немировский «рассматривает социальную справедливость как

структурообразующую доминанту ценностей русского народа и солидаризируется с выводом: массовая мечта о справедливом и разумно устроенном обществе, характерная для русской культуры и российской цивилизации, выступает „ядром“ чаяний россиян об обществе» [5, с. 40]. Невозможно не согласиться с автором о центральном значении справедливости в системе ментальных ценностей русского народа, где до сего дня сохраняется представление о том, что справедливость выше закона.

Однако опыт мировой социальной мысли показывает, что стремление к справедливости не является отличительной чертой только русского национального менталитета. Справедливость со времен Аристотеля является общечеловеческой ценностью. В наиболее общем виде в понятии справедливости отражаются представления о должном соотношении деяний и воздаяний за них, достоинств и вознаграждения, прав и обязанностей. Если соотношение между действием и его вознаграждением (оценкой) оказывается непропорциональным, то такая ситуация воспринимается как несправедливая. Справедливость является нравственной, политической и социальной ценностью, которая затрагивает интересы всех людей. Множество сложившихся научных концепций справедливости можно свести к трем условным группам: религиозной, эгоистической, коллективистской. Наиболее оживленная полемика существовала между сторонниками эгоистической и коллективистской концепций, так как именно в них отражается глубинное противоречие между двумя полярными типами жизненных ориентиров [1].

Хрестоматийной в новейшее время стала концепция справедливости Д. Ролза, отражающая социально-правовые устои рыночного типа, либеральные концепции общества. Человек, знающий об отсутствии у него каких-либо конкурентных преимуществ (таланта, высокого социального статуса и т. п.), будет рассматривать справедливость как возможность его участия в гражданской жизни общества. Он заинтересован в том, чтобы для него работал принцип равенства возможностей [6]. Такие представления о социальной справедливости,

отмечает М. Ф. Черныш, уместны в развитом рыночном обществе европейского типа: субъект «нуждается в социальном государстве, которое, с одной стороны, обеспечит равные права богатым и бедным, а с другой процедурно не даст социальным различиям застыть, трансформируясь в различия культур» [8, с. 111].

Концепции социальной справедливости в публичном, идеологическом и научном дискурсах менялись в советский, постсоветский и современный периоды. В СССР официальное представление о социальной справедливости связывалось с перспективой формирования бесклассового общества, с ликвидацией классового неравенства в распределении общественных благ (прав на труд, медицинское обслуживание, образование, отдых и т. д.). Модель социальной справедливости была основана на принципе «от каждого — по способности, каждому — по труду». В советский период практически всё контролировалось государством, распределение из общественных фондов потребления было строго регламентировано — от нормирования оплаты труда до распределения путевок в детские лагеря отдыха. Однако на практике даже четко регламентированные государственные механизмы не справлялись с негативными тенденциями роста неравенства и несправедливости в обществе, где «все равны, но некоторые равнее». Именно эти тенденции сыграли заметную роль в реализации общественного запроса на перемены в период перестройки. В это время возникает не только научный (зачастую идеологизированный) и официальный дискурс о справедливости, но и общественный. В научных публикациях обосновываются идеи «о необходимости перехода от социалистического принципа социальной справедливости, согласно которому все члены общества должны иметь равный доступ к общественным благам, к новому принципу — дифференциации такого доступа на основании разной социальной и экономической эффективности членов общества» [2, с. 41]. В постсоветский период идеология социальной справедливости связывалась с понятием социального государства, которое так и осталось недостижимым идеалом.

«Новая парадигма социальной справедливости, предлагаемая современной западной теорией, исходит из веры в демократию как наилучший способ разрешения социальных конфликтов и формирования справедливых общественных институтов» [3, с. 48]. Вместе с тем понимание «демократии» даже на микроуровне конкретного рабочего места является дискуссионным и носит ярко выраженный классовый характер [10]. Новый виток переосмысления категорий социальной справедливости связан с понятием глобальной гражданственности в условиях неолиберального социально-экономического порядка [15]. При этом фокус внимания смещается к ранее маргинализированным социальным группам [16, 18].

В современной России дискуссии о социальной справедливости всё больше привлекают общественное внимание, что связано с радикальными переменами в социальной политике, формированием известных национальных проектов с одной стороны и ростом неравенства, прекарризацией трудовых отношений с другой стороны. Разрыв между бедными и богатыми в современной России продолжает увеличиваться, численность среднего класса не возрастает, а количество миллиардеров, обладающих огромными состояниями с неизвестными источниками, не вписывается ни в какой канон социальной справедливости. Несправедливость в современном российском обществе ассоциируется не только с ростом разрыва между богатыми и бедными, но и с нарушением принципа равной ответственности перед законом [2, с. 52].

Молодые работники сервисной сферы, не имеющие генетического опыта классовой солидарности рабочего класса, столкнулись с проявлениями социальной несправедливости, прежде всего, в трудовой сфере. Сервисные работники также становятся объектом исследований по проблематике социальной солидарности и справедливости за рубежом [10, 15, 17], в то время как отечественная социология пока не уделяет значительного внимания данному вопросу. Именно в сервисном секторе доминирует прекарнизация трудовых отношений, зачастую работник вынужден оформляться как «самозанятый», будучи

сотрудником предприятия известного бренда. Значительная часть занятых в этой сфере вообще не имеет никакой юридической защиты во взаимоотношениях с работодателем, иногда даже просто трудового договора. Участники нашего исследования, особенно клиентской сферы услуг (курьеры, продавцы, официанты, сотрудники ЖКХ и бытового обслуживания и т. п.) отмечали неустойчивость, нестабильность своего положения, невозможность планирования карьеры, полную зависимость от работодателя.

В нашем проекте было проведено 3 фокус-группы с работниками клиентского сервиса и 1 (контрольная) с рабочими инфраструктурной сферы материального производства. Прежде всего в ходе дискуссии мы пытались выяснить социально-классовую самоидентификацию участников, их представление о месте своей социально-профессиональной группы в социальной иерархии. Как и в результатах массового опроса, молодежь сервисной сферы, особенно клиентской его части, не отождествляет себя с рабочим классом. Вместе с тем практически никто из них не относит себя к низшей страте российского общества. Но и к среднему классу объективно они себя отнести не смогли, поэтому доминировала позиция отрицания существования среднего класса вообще. Вот типичное высказывание:

«...Ну я вообще считаю, что у нас в стране нет среднего класса, у нас только есть те, кто у власти, и все остальные, причем разрыв между богатыми и бедными сейчас колоссальный, потому что за последние годы очень много ИПешников, мелкий бизнес просто разорился, потому что монополизм — он явный или тайный, он все-таки присутствует, и никуда от этого не денешься... потому что я себя отношу... к простым людям, к тем, кто ниже» (Мария, клиентский сервис).

Несколько отличается позиция молодежи, занятой в инфраструктуре промышленного производства. Большинство информантов, особенно мужская их часть, с уверенностью относят себя к рабочему классу. Проблема рабочей солидарности в случае нарушения трудовых прав вызвала наибольшую дискуссию среди участников

обсуждения. Примеры, когда информанты сами участвовали в подобных акциях или хотя бы слышали о них, оказались единичными.

«...Вот у меня был опыт на прошлой работе, не выплачивали... ну у меня вроде как бы всё ок было... несколько людей, их обижали по зарплате, почему-то там бухгалтерия что-то напутала или что, и мы все собрались и перестали работать — и всё, и те, кто не получил эту зарплату, и те, кто получил — тоже, солидарность сработала, в общем... пока им не прислали зарплату, мы не приступили к работе» (Ольга, клиентский сервис).

Большинство участников дискуссии склонялись к мнению, что сегодня на их рабочих местах реально противостоять работодателю невозможно.

«...Негативный... был момент, когда первого декабря позвонили и сказали: „Девочки, до свидания, мы с вами больше не работаем“... потом их рассчитали, но факт в том, что до марта не дотянули, потому что у них договор заканчивался, а были присланы временного характера по сдельной работе тетеньки, и они им обошлись просто в три раза дешевле наших девочек, и они просто им... сэкономили очень хорошо денег» (Мария, клиентский сервис).

Скептически отнеслись информанты и к идее корпоративной культуры как форме проявления солидарности.

«Не было такого, чтобы говорили: „Мы одна команда, ребята“. Я, когда пришел бариста устраиваться, мне в первый день сказал человек, который меня обучал: „Мы линейный состав, то есть мы как лампочки: выкрутили одну — поставили другую“» (Ян, клиентский сервис).

Практически все участники фокус-групп отрицали какую-либо роль профсоюзов в поддержке работников в случае несправедливого отношения работодателей, причем многие вообще не знали, есть ли профсоюзные организации в местах их трудоустройства.

Вопреки мнению о трагедии прекаризации трудовых отношений, в рамках рабочего класса мотивация молодежи отличается от научного

дискурса. В нашем исследовании принимали участие только официально трудоустроенные рабочие, что важно для объяснения их отношения к указанному феномену. Информанты с высокой степенью убежденности говорили о том, многие выбирают работу по неформальному договору сами, чтобы не платить налогов.

«Я вот со своей зарплатой, почти 3 тысячи с меня снимают — 13-й процент. Я спросила: „Могу ли я работать у вас не по договору?“ Они сказали, нет. А я бы получала эти 3 тысячи. Хотя и слышишь иногда о пенсии и трудовой, но я бы вот сейчас работала не по договору. Но меня не взяли. И я теряю 3 тысячи со своей зарплатой» (Анна, клиентский сервис).

Основной мотив такого выбора информанты связывают с неверием в справедливость грядущей пенсии, ссылаются на несправедливую пенсионную реформу. Большинство из них просто не задумываются о будущей пенсии, не верят государству в этом вопросе и рассчитывают только на себя. Более того, в качестве одной из наиболее частых причин конфликтности на работе информанты указывали на межпоколенческие конфликты.

«Я недовольна своим коллективом, потому что у нас очень много пенсионеров, только в нашем цеху 50 на 50 пенсионеров и молодежи... и пенсионеры тупые, в прямом смысле тупые, они уже отупели, они не успевают за новшествами, они стараются делать пакости новому поколению, не обучать его, подставлять его» (Анна, клиентский сервис).

«...В 25 лет я была на работе, платили 28, и много мест было занято пенсионерами... у меня у самой мама пенсионерка, я понимаю... что мне вроде бы и их жалко, у них вроде бы и пенсия маленькая, они пытаются тоже как-то подрабатывать. Но когда вот ходишь и видишь, что практически половина мест занята пенсионерами там, где могли бы работать и девушки, и парни, и не только в продажах...» (Дарья, клиентский сервис).

В целом взаимоотношения в рабочем коллективе, в ближайшем окружении, в том числе и с непосредственным руководством, молодежь

оценивает как вполне комфортные, устраивающие их по тем или иным причинам. Основная позиция, с которой соглашалось большинство участников, состояла в том, что если что-то не устраивает, всегда можно уйти на другое место. В ответе на вопросы о справедливом распределении заработной платы между менеджментом и работниками на их предприятиях информанты высказывали мнение, что разница обоснована, справедлива.

«...Абсолютно справедливая, потому что у каждого, во-первых, свой функционал, а во-вторых, есть понятие масштаб. Если слишком малый бизнес, требовать космические зарплаты нет смысла, и каждому, как говорится, в данном случае дается по способности» (Екатерина, клиентский сервис).

В отношении ближайшего окружения, непосредственного руководства и атмосферы в рабочем коллективе ожидаемо позитивные оценки встречались чаще, чем оценки общего положения рабочей молодежи в стране, социальной справедливости в современном обществе. Абсолютное большинство информантов весьма поверхностно отзывалось об особенностях внешней и внутренней политики государства, не интересовалось конкретными фигурами политической жизни, имело нечеткие представления об особенностях современного политического спектра идей. При этом внутриполитические проблемы все-таки оказались более интересными для аудитории. В целом же этот блок обсуждения оказался наименее информативным. Наибольшую поддержку аудитории вызывает фигура президента России, причем здесь проявился некоторый разброс позиций. Несколько информантов выразили полное неприятие: «уже всем надоел», «правит бандой коррупционеров», «после Крыма всё вообще рухнуло». Однако доминировала другая позиция: «для меня лидер, естественно, Путин», «Путин — неплохой президент», «...проблема Путина в том, что у него двойственная политика. Он в каких-то моментах очень хороший». В целом же большинство склонялось к позиции отлученности современных людей от реальной полити-

ческой практики: «Население, мне кажется, вообще вне политики, забыли про него», «Политика не может представлять интересы населения». Отношение к различным формам добровольческого участия в жизни общества, волонтерского движения не нашло живого отклика в молодежной среде. Признавая необходимость помощи пенсионерам, инвалидам в период пандемии, участники фокус-групп в целом показали невысокую степень заинтересованности данной темой. Безусловную патриотическую поддержку получило возвращение Крыма в Россию, а вот пенсионная реформа — полное неприятие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наиболее значимыми и осознанными проблемами справедливости и солидарности для рабочей молодежи является сфера трудовых отношений, именно в этой сфере сосредоточены классовые различия. Самыми острыми проблемами остаются вопросы первого трудоустройства молодежи («без опыта не устроишься»), разрыв между профессиональной подготовкой и рынками труда — работа не по специальности. Значимыми всё еще являются проблемы невыплат заработной платы, несправедливость в оценке труда, межпоколенческий кризис в трудовых отношениях.

Рабочая молодежь сервисной сферы, несмотря на то что именно эта часть рабочего класса подвержена наибольшей прекаризации трудовых отношений, не осознает реальных ее угроз.

Солидарность рассматривается как взаимоотношения в ближайшем круге, собственном трудовом коллективе и чаще всего носит пассивный характер, как в реальных взаимоотношениях, так и в Интернете (сочувствие, поддержка в той или иной форме), практически полностью отсутствует понимание классовой солидарности. Рабочая молодежь проявляет индифферентное отношение к политическим формам солидарности, безразличие к политической жизни, неверие в свободные выборы. Оценка политических лидеров, их роли спонтанна, часто немотивированна. Доминирует скептическое отношение к возможности влияния «простых людей» на государственную политику.

Большинство выявленных на предыдущем этапе эмпирического исследования тенденций подтвердилось и в настоящем проекте.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Три концепции справедливости / В. М. Алпатов // Социальная справедливость: утопии и реалии: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию В. И. Ленина (Нижегород, 25-26 апреля 2020 г.) / под общ. ред. А. В. Грехова и А. Н. Фатенкова. М.: Аквилон, 2020. С. 41-49.
2. Данилова Е. Н. Трансформация социальной политики и дискурса социальной справедливости в России / Е. Н. Данилова // Мир России. 2018. № 2. С. 36-61. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-36-61
3. Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса: коллективная монография / под ред. Т. В. Гаврилюк. М.: Флинта, 2020. 408 с.
4. Ковалев В. В. Идеи солидаризма и солидарности в интеллектуальной традиции России и Запада / В. В. Ковалев, А. В. Попов, В. П. Хоценко // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 103-110.
5. Немировский В. Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества / В. Г. Немировский // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 40-47. DOI: 10.7868/S013216251709005
6. Ролз Д. Теория справедливости / Д. Ролз. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
7. Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 г.): материалы V Всероссийского социологического конгресса / под ред. В. А. Мансурова. М.: Российское общество социологов, 2016. 10696 с.

8. Черныш М. Ф. Социальная справедливость и ее миражи / М. Ф. Черныш // Мир России. 2012. № 2. С. 103-114.
9. Becher M. Whose interests do unions represent? Unionization by income in Western Europe / M. Becher, J. Pontusson // *Research in the Sociology of Work* / D. Brady (ed.). Bingley: Emerald Group, 2011. Pp. 181-211.
10. Chhetri N. Justice on the job for nail salon workers / N. Chhetri, P. Dash, K. Pottenger // *New Labor Forum*. 2018. No. 27 (1). Pp. 80-84. DOI: 10.1177/1095796017745038
11. Collom E. Two classes and one vision? Managers' and workers' attitudes toward workplace democracy / E. Collom // *Work and Occupations*. 2003. No. 30 (1). Pp. 62-96. DOI: 10.1177/0730888402239327
12. Hofmann J. Symbolic struggles over solidarity in times of crisis: trade unions, civil society actors and the political far right in Austria / J. Hofmann, C. Altreiter, J. Flecker, S. Schindler, R. Simsa // *European Societies*. 2019. No. 21 (5). Pp. 649-671. DOI: 10.1080/14616696.2019.1616790
13. Jensen C. S. Trade unionism in Europe: are the working class still members? / C. S. Jensen // *European Journal of Industrial Relations*. 2019. Pp. 1-14. DOI: 10.1177/0959680119838881
14. Lafferty G. Neoliberal globalization, unions and labour movement strategies / G. Lafferty // *Work, Employment and Society*. 2017. No. 31 (2). Pp. 373-379. DOI: 10.1177/0950017016668455
15. Marsh C. L. Dignifying and protecting domestic work: organizing in Illinois / C. L. Marsh // *New Labor Forum*. 2021. No. 30 (2). Pp. 90-99. DOI: 10.1177/10957960211006706
16. Romero M. Sociology engaged in social justice / M. Romero // *American Sociological Review*. 2020. No. 85 (1). Pp. 1-30. DOI: 10.1177/0003122419893677
17. Sinha C. Conceal or not? Management of dehumanized work identity among lower caste domestic workers and non-domestic scavenging workers / C. Sinha, M. Kumar // *South Asian Journal of Human Resources Management*. 2018. No. 5 (2). Pp. 173-193. DOI: 10.1177/2322093718787097
18. Sweeney L.-A. Sex workers access to health and social care services: a social justice response / L.-A. Sweeney, L. Taylor, M. Molcho // *Irish Journal of Sociology*. 2020. No. 28 (3). Pp. 333-348. DOI: 10.1177/0791603520937279

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-33-43

UDC 316.34

Justice and solidarity in the perceptions of working-class youth in service industries

Vera V. Gavriliuk

Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Institute of Service and Industry Management,
Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-0131-4939
gavriliuk@list.ru

Abstract. The modern approaches to the concepts of solidarity and justice that are basic for society have been examined in the article. In the Russian intellectual tradition, solidarity practices were considered within a moral and axiological dimension. The purpose of the article is to demonstrate the specifics in the perceptions of new working-class youth involved in service sector of the economy of social justice and solidarity, interconnection of class self-awareness and corporate solidarity practices. The article contains an analysis of the original empirical material obtained by the implementation of qualitative sociological research tools. The object of the study was the working-class youth employed in the service sector of the economy, both in the field of customer service and in the infrastructure field of industrial production. Novelty of the article lies within generalization of this youth's perceptions of justice, types and forms of solidarity. The research yielded such conclusion that the most significant and recognized issues of justice and solidarity for the working-class youth are in the field of industrial relations. As it was revealed during the research, the youth of the service sector is objectively vulnerable to the highest precarity of industrial relations. However, its actual dangers have not yet gained enough recognition of public consciousness and are not studied by Russian sociologists. Issues of the first employment of the youth, discrepancy between professional qualifications and labor markets, intergenerational crisis in industrial relations remain the most acute problems of justice. The respondents view solidarity as relations in a particular workforce, usually in a passive manner; the awareness of class solidarity is virtually nonexistent. The working-class youth demonstrates indifference towards political forms of solidarity and to political life.

Keywords: class solidarity, justice, service sector of the economy, youth.

Citation: Gavriliuk V. V. 2022. "Justice and solidarity in the perceptions of working-class youth in service industries". *Siberian Socium*, vol. 6, no. 1 (19), pp. 33-43. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-33-43

Acknowledgments. This article was sponsored by the grant No. 17-78-20062 of the Russian Science Foundation "Life Strategies of the New Working-Class Youth of Modern Russia".

REFERENCES

1. Alpatov V. M. 2020. "Three concepts of justice". Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of V. I. Lenin "Social Justice: Utopias and Realities" (25-26 April, Nizhny Novgorod). Edited by A. V. Grekhov, A. N. Fatenkov. Pp. 41-49. Moscow: Akvilon. [In Russian]

2. Danilova E. N. 2018. "Transformations in the welfare regime and discourse on social justice in Russia". *Universe of Russia*, vol. 27, no. 2, pp. 36-61. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-36-61 [In Russian]
3. Gavrilyuk T. V. (ed.). 2020. *Life strategies of the new working-class youth: collective monograph*. Moscow: FLINTA. 408 pp. [In Russian]
4. Kovalev V. V., Popov A. V., Khotsenko V. P. 2018. "Ideas of solidarity and solidarity in the intellectual tradition of Russia and the West". *Socialno-gumanitarnye znaniya — Social and humanitarian knowledge*, no. 7, pp. 103-110. [In Russian]
5. Nemirovskiy V. G. 2017. "Justice concept in the context of the estate social structure of contemporary Russian society". *Sociological studies*, no. 9, pp. 40-47. DOI: 10.7868/S013216251709005 [In Russian]
6. Rawls J. 2010. *A theory of justice*. Moscow: LKI. 536 pp. [In Russian]
7. Mansurov V. A. (ed.). 2016. *Proceedings of the 5th All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice" (19-21 October, Yekaterinburg)*. Moscow: Russian Society of Sociologists. 10696 pp. [In Russian]
8. Chernysh M. F. 2012. "Social justice and its mirages". *Universe of Russia*, vol. 21, no. 2, pp. 103-115. [In Russian]
9. Becher M., Pontusson J. 2011. "Whose interests do unions represent? Unionization by income in Western Europe". In: Brady D. (ed.). 2011. *Research in the Sociology of Work*. Pp. 181-211. Bingley: Emerald Group.
10. Chhetri N., Dash P., Pottenger K. 2018. "Justice on the job for nail salon workers". *New Labor Forum*, no. 27 (1), pp. 80-84. DOI: 10.1177/1095796017745038
11. Collom E. 2003. "Two classes and one vision? Managers' and workers' attitudes toward workplace democracy". *Work and Occupations*, no. 30 (1), pp. 62-96. DOI: 10.1177/0730888402239327
12. Hofmann J., Altreiter C., Flecker J., Schindler S., Simsa R. 2019. "Symbolic struggles over solidarity in times of crisis: trade unions, civil society actors and the political far right in Austria". *European Societies*, no. 21 (5), pp. 649-671. DOI: 10.1080/14616696.2019.1616790
13. Jensen C. S. 2019. "Trade unionism in Europe: are the working class still members?". *European Journal of Industrial Relations*, pp. 1-14. DOI: 10.1177/0959680119838881
14. Lafferty G. 2017. "Neoliberal globalization, unions and labour movement strategies". *Work, Employment and Society*, no. 31 (2), pp. 373-379. DOI: 10.1177/0950017016668455
15. Marsh C. L. 2021. "Dignifying and protecting domestic work: organizing in Illinois". *New Labor Forum*, no. 30 (2), pp. 90-99. DOI: 10.1177/10957960211006706
16. Romero M. 2020. "Sociology engaged in social justice". *American Sociological Review*, no. 85 (1), pp. 1-30. DOI: 10.1177/0003122419893677
17. Sinha C., Kumar M. 2018. "Conceal or not? Management of dehumanized work identity among lower caste domestic workers and non-domestic scavenging workers". *South Asian Journal of Human Resources Management*, no. 5 (2), pp. 173-193. DOI: 10.1177/2322093718787097
18. Sweeney L.-A., Taylor L., Molcho M. 2020. "Sex workers access to health and social care services: a social justice response". *Irish Journal of Sociology*, no. 28 (3), pp. 333-348. DOI: 10.1177/0791603520937279